

I.

СТРАТЕГИЧЕСКІЙ И ТАКТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ.

(ДО СЕДАНА).

(Заключительное чтеніе генералъ-маіора Леера) (*).

I.

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ОБИХЪ СТОРОНЪ.

Каждая *новая* война служитъ только *новымъ* подтвержденіемъ *старыхъ*, всѣмъ давно и хорошо извѣстныхъ, истинъ.

Въ каждой *новой* войнѣ стратегія и тактика принимаютъ только, такъ сказать, *новую фюзіономію*; *сущность же дѣла остается неизмѣнною*.

«Во всѣ времена», какъ вполне справедливо говоритъ Жюмини, «существовали *основныя начала*, на которыхъ основываются всѣ искусныя комбинаціи на войнѣ и къ которымъ *всѣ они должны быть отнесены для того, чтобы судить объ ихъ истинномъ достоинствѣ*».

«*Начала эти неизмѣнны, независимы отъ рода оружія, условій времени и мѣста*. Геній и опытъ указываютъ тѣ измѣненія, которымъ подвержено ихъ *приложеніе*... Сравнивая причины побѣдъ въ древнія времена съ таковыми же въ новѣйшія, невольно удивляешься, что сраженія при Ваграмѣ, Фарсалаѣ и Баннахъ были выиграны благодаря одиѣмъ и тѣмъ же *первоначальнымъ причинамъ* (**).

(*) Этими обзоромъ законченъ рядъ чтеній генералъ-маіора Леера о «франко-прусской войнѣ», происходившихъ въ залахъ Николаевской академіи генеральнаго штаба.

Печатавъ заключительное чтеніе, — которое резюмируетъ всѣ предъидущія чтенія и посвящено изслѣдованію столь важнаго вопроса о томъ, *на сколько стратегія и тактика должны измѣниться подъ вліяніемъ современныхъ условій*, редація полагаетъ этимъ путемъ всего удобнѣе познакомить читателей съ духомъ и содержаніемъ лекцій почтеннаго профессора. Ред.

(**) Эти-то *первоначальныя причины*, основныя положенія, я и позволимъ себѣ, въ составленномъ мною курсѣ стратегіи, назвать *законами*.

Тотъ же взглядъ, который проводитъ генералъ Жюмини, раздѣляется и другими наиболѣе замѣчательными авторитетами: *Ллойдомъ и Наполеономъ*.

Приступая къ своду и критической оцѣнкѣ стратегическихъ и тактическихъ комбинацій воюющихъ сторонъ въ I-й періодъ войны 1870—71 года, намъ кажется всего рациональнѣе поставить наше изслѣдованіе именно на *положительную почву* этихъ основныхъ, вѣчно неизмѣнныхъ, независимыхъ отъ оружія, времени и мѣста, началъ, въ сущности составляющихъ *стратегическую и тактическую науку*, т. е., примѣняясь къ выраженію Жюмани: «отнести эти комбинаціи къ вышеприведеннымъ основнымъ началамъ». Въ какой степени они были уважаемы тою и другою стороною? Какъ они ими были примѣняемы къ дѣлу? Сообразно ли требованіямъ обстановки или наперекоръ ей?

Отвѣты на эти вопросы не замедлятъ дать точное понятіе о состояніи *стратегическаго и тактическаго искусства* у обѣихъ воюющихъ сторонъ и о *внутреннемъ содержаніи* ихъ стратегическихъ и тактическихъ комбинацій.

Не будучи поставлено на подобную положительную почву, изслѣдованіе наше обратилось бы только въ болѣе или менѣе удачный разговоръ *по поводу* послѣдней кампаніи; но далеко не имѣло бы характера серьезнаго, научнаго ея разбора, само собою разумѣется, на сколько онъ возможенъ въ настоящую минуту, въ виду близости къ намъ факта и отсутствія многихъ данныхъ.

1) Самое важное изъ преимуществъ на войнѣ это, безспорно, *иниціатива*, т. е. *господство надъ волею и умомъ противника* (*), оттого-то умѣнье удержать ее за собою во время всей войны, по

Такимъ образомъ, *Ллойдъ* говоритъ: «Воинное искусство основано на неизмѣнныхъ началахъ; только примененіе ихъ подлежитъ измѣненіямъ».

«Истинныя начала войны—это тѣ, которымъ слѣдовали великіе полководцы, великія дѣла которыхъ намъ передала исторія, именно: Александръ, Аннибаль, Цезарь....» (Наполеонъ).

Не ради авторитета генерала *Ронль*, котораго мы за нимъ далеко не признаемъ, но единственно потому, что тотъ же взглядъ, который высказывается *Ллойдомъ*, *Жюмини* и *Наполеономъ*, у него весьма мѣтко сформулированъ, мы позволяемъ себѣ привести изъ его сочиненія *Considérations sur l'art de la guerre* (стр. 230) слѣдующее мѣсто: «Воинное искусство основано на неизмѣнныхъ началахъ.... Невѣжды пренебрегутъ изученіемъ ихъ, глупцы надъ ними будутъ издѣваться (les fous s'en moqueront), люди ограниченные ими будутъ слѣдовать слѣпо, машинально и часто нестати; одни только талантливые люди, которые будутъ азъ состояніи дойти до сознанія ихъ духа, сумѣютъ примѣнять ихъ къ дѣлу, видоизмѣнять ихъ или отступать отъ нихъ, сообразно времени, мѣсту и обстоятельствамъ» (т. е. до безконечности разнообразить ихъ приложеніе).

(*) «Одно изъ главнѣйшихъ правилъ на войнѣ заключается въ томъ, чтобы не дѣлать того, что непріятель хочетъ, а, напротивъ, заставлять его дѣлать то, что мы хотимъ» (*Наполеонъ I*).

справедливому замѣчанію Деккера, и составляет *критеріумъ стратегии*.

Инициативу доставляетъ прежде всего геній полководца, умѣющій *создавать все изъ ничего* (*); даѣе—численное превосходство, тщательная подготовка театра военныхъ дѣйствій и поля сраженія и *ранняя готовность къ открытію военныхъ дѣйствій*—возможность предупредить противника, озадачить, ошеломить его и застать его врасплохъ среди его приготовленій, какъ то и сдѣлано было пруссаками въ 1866 г., и особенно въ 1870 г.

Послѣ геніяльности полководца, *ранняя готовность* (въ особенности когда, какъ въ войну 1870 г., она подтверждена еще громаднымъ численнымъ превосходствомъ надъ непріателемъ) должна быть поставлена выше всего, именно потому, что она есть *причина всего*, а инициатива является только *слѣдствіемъ* этой первоначальной причины. Отсюда особенно важное значеніе возможно—тщательной подготовки къ войнѣ еще въ мирное время и несомнѣнная справедливость того положенія, что «арміи, которыя были разбиты, были еще до поля сраженія разбиты», т. е. несли причину своего пораженія въ себѣ. Да оно и вполнѣ естественно, такъ какъ на войнѣ происходитъ то, что съется въ мирное время: на театрѣ военныхъ дѣйствій и на полѣ сраженія подведется только *зрѣныя итоги* тому, что дѣлалось въ мирное время, и лучшимъ тому подтвержденіемъ служатъ пруссаки и французы въ послѣднюю войну, которую, сколько мнѣ кажется, можно было бы вѣрно охарактеризовать, назвавъ ее «*столюбовеніемъ глубокаго изученія военнаго дѣла и вполнѣ серьезно и честно къ нему отношенія съ военнымъ дилетантизмомъ*».

Какіе результаты были достигнуты пруссаками въ дѣлѣ тщательной подготовки къ войнѣ—вопросъ этотъ мною былъ изслѣдованъ на своемъ мѣстѣ. Надобно отдать имъ полную справедливость, что результаты, ими достигнутые, превосходятъ все, что только до сихъ поръ представляетъ военная исторія. Въ какихъ—нибудь шесть дней полумилліонная армія, составленная изъ вполнѣ готовыхъ солдатъ, ставается на военную ногу; на десятый день, снабженная всемъ необходимымъ, она уже перевозится на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ черезъ девять дней (къ 3-му августа) сосредоточивается 338,000, кото-

(*) Высшими образцами въ томъ, на сколько велика сила генія въ дѣлѣ захвата инициативы, располагая даже значительно меньшими, сравнительно съ противникомъ, силами, служатъ: 1) дѣйствія Густава-Адольфа противъ Тилли съ января 1631 г. до брейтенфельдскаго сраженія, и въ особенности 2) дѣйствія Наполеона противъ Блюхера и Шварценберга между Марною и Сеною, въ 1814 г.

рыя, въ непродолжительномъ времени, усиливаются еще 170,000. Не-приятель, располагающій какини-нибудь 180,000, не вполнѣ еще мобилизованными и вдобавокъ разбросанными на значительномъ разстояніи, застигнуть врасплохъ, ставится сразу въ оборонительное т. е. въ самое трудное на войнѣ положеніе («on ne périt que par la défensive». Villars) и подвергается одному поражению за другимъ. Такимъ образомъ, съ самаго начала и до послѣдней минуты, инициатива принадлежала пруссакамъ, благодаря ихъ *ранней готовности*, которая, въ свою очередь, является ближайшимъ результатомъ ихъ превосходной *военной системы*.

2) Громадное вліяніе обнаруживаетъ, какъ показываетъ исторія, на успѣхъ военныхъ дѣйствій также и та или другая *организация власти въ главѣ арміи*, т. е. обстановка, въ которую ставится высшій представитель ея въ арміи, главнокомандующій.

«*Единство въ командованіи* (единство военной мысли въ главѣ арміи)—это условіе первостепенной важности на войнѣ», говоритъ Наполеонъ I>. Никогда не слѣдуетъ имѣть двухъ армій на одномъ и томъ же театрѣ военныхъ дѣйствій», т. е. двухъ отдѣльных *независимыхъ другъ отъ друга* армій.

Вотъ какъ формулированъ этотъ принципъ Наполеономъ.

У пруссаковъ хотя и являются три (даже потому четыре) арміи, но власть надъ всѣми ими *объединена* въ рукахъ *общаго* главнокомандующаго—короля. При этомъ условіи, упомянутыя три арміи являются какъ бы тремя большими корпусами. *У французовъ* же, съ той минуты какъ Наполеонъ слагаетъ съ себя званіе главнокомандующаго, являются *девять отдѣльных, самостоятельныхъ, независимыхъ другъ отъ друга* армій: *рейнская*—Базена и *марисская*—Макъ-Магона.

Такимъ образомъ у пруссаковъ мы встрѣчаемъ полное уваженіе принципа объединенія власти, у французовъ же—окончательное нарушеніе его.

Далѣе: нашъ великій полководецъ, Суворовъ, для успѣшнаго исполненія какого-либо плана на войнѣ, ставитъ слѣдующія условія: «*полная мочь* избранному полководцу; ничего кромѣ наступательнаго; методичку прочъ; маневры, марши, контръ-марши и всѣ такъ называемыя хитрости оставить *блѣдыми академикамъ*...» *Полная мочь*, дѣйствительно, была предоставлена Базену; онъ ею и злоупотреблялъ въ неопозволительныхъ размѣрахъ, въ чемъ, конечно, правительство неотвѣтственно; но въ какое крайне стѣснительное положеніе ставится Макъ-Магонъ съ одной стороны своего рода гоферахъ-

ратомъ, въ лицѣ Палиао, предполагающаго, несмотря на уроки исторіи, управлять военными дѣйствіями изъ столицы, а съ другой присутствіемъ императора при арміи—тому мы видали образецъ къ седанской операціи.

Соглашаясь вполне съ тѣмъ, что самая *естественная*, а потому уже и самая *лучшая* изъ комбинацій въ дѣлѣ организаціи власти въ главѣ арміи есть та, когда самъ Монархъ принимаетъ начальство надъ нею, нельзя не признать, на основаніи уроковъ исторіи, вреднымъ въ дѣлѣ командованія присутствіе Монарха при арміи, когда онъ самъ ею не командуетъ, хотя бы уже по одному тому, что, благодаря этому, падаетъ авторитетъ главнокомандующаго, обращающагося какъ бы въ обыкновеннаго генерала.

Въ то время, какъ всѣ такія условія капитальной важности получили въ организаціи командованія французскою арміею отрицательное приложеніе, въ организаціи управленія прусскою всѣ они получили самое рациональное разрѣшеніе, а самое важное, что главнокомандующимъ былъ король.

Если къ этому обстоятельству, самому по себѣ уже чрезвычайно важному, присоединить замѣчательныя качества начальника главнаго штаба, генерала Мольтке, человѣка гениальнаго въ дѣлѣ стратегическихъ комбинацій, отличающихся у него необыкновенною *вѣрностью* и *простотой* (*), то нельзя не замѣтить, что одинъ изъ самыхъ

(*) Въ этой простотѣ всѣхъ расчетовъ на войнѣ—простотѣ ихъ соображенія и еще болѣе въ простотѣ ихъ исполненія—и заключается истинная гениальность. Да *«простота и есть гениальность»* (Einfachheit ist Genialität). *Тотъ лучше бьетъ, кто проще бьетъ*: вотъ къ какому окончательному выводу сводится вся военная исторія. Самые простые способы достиженія какой либо цѣли приходятъ обыкновенно послѣдними на умъ. Они же и являются въ видѣ образцовыхъ дѣйствій въ сферѣ какаго бы то ни было искусства, что и вполне понятно, разъ какъ задача каждаго искусства заключается въ достиженіи извѣстныхъ цѣлей съ наименьшими затратами времени, усилій и средствъ, т. е. *простѣйшими* способами. «Вся маневры хороши», говорятъ маршалъ Саксонскій, «исключая мудреныхъ (vades, искусственныхъ, сложныхъ), которые никуда не годятся». «Въ 18 лѣтъ», говоритъ эрцъ-герцогъ Карлъ, «проиграно было 10 большихъ сраженій, вслѣдствіе сложныхъ маневровъ. Сраженія эти: Тюркоенъ 1795, Лонато 1796, Риволи 1796, Нересгеймъ 1796, Штокахъ 1799, Треббія 1799, Генола 1799, Гогенлиденъ 1800, Аустерлицъ 1805, Пултусъ 1806, Талавера 1809 и Саламанка 1812» (сюда можно прибавить и Экмоль 1809 г.).

Само собою разумѣется, что съ этимъ даромъ—даромъ простыхъ соображеній и еще болѣе простаго ихъ исполненія—надо родиться; но этого мало: его надо *умѣть сохранить* въ себѣ и, по возможности, *развить*, короче: обладая имъ отъ природы, необходимо, такъ сказать, еще *воспитать* себя въ духѣ этой простоты предначертаній и ихъ исполненія; а такая задача болѣе чѣмъ трудна, хотя бы уже по одному тому, что простота цѣнится только избранными личностями, единицами, глубоко понимающими дѣло, и не имѣетъ никакого смысла въ глазахъ

существенныхъ вопросовъ на войнѣ, именно вопросъ объ *организации власти въ лагерь арміи*, получилъ у пруссаковъ вполне рациональное разрѣшеніе, которое онъ и сохранилъ неизмѣнно отъ начала до конца кампаніи, и даже всей войны.

Не то у французовъ. У нихъ рѣшеніе этого вопроса подвергается непрерывнымъ колебаніямъ и измѣненіямъ. Сначала главнокомандующимъ является самъ Наполеонъ, а начальникомъ штаба назначается маршалъ Лебюфъ. Затѣмъ власть переходитъ въ руки двухъ, независимыхъ другъ отъ друга, главнокомандующихъ, изъ которыхъ одинъ, вдобавокъ, подпадаетъ подъ двойную опеку. Наконецъ, въ парижской арміи, на этотъ разъ уже чисто отъ *неблагопріятной случайности*, отъ раны Макъ-Магона подъ Седаномъ, власть переходитъ, въ самую критическую минуту, сначала въ руки Дюро и далѣе Випфена. Все это ведетъ къ безпрестанной перемѣнѣ взглядовъ, предначертаній, короче—къ невообразимой путаницѣ, неизбежной слутипцѣ всѣхъ французскихъ военныхъ операцій въ эту столь злополучную для нихъ, во всѣхъ отношеніяхъ, войну.

3) Самымъ важнымъ вопросомъ въ стратегіи является вопросъ о *выборѣ операціонной линіи* (*), вопросъ о выборѣ *рѣшительныхъ*,

массы, понимающей только глазами и ушами, т. е. останавливающейся только на одной внѣшности. Законъ простаго (la loi du simple) говоритъ: *«что просто—то хорошо, а что сложно—то дурно»*; масса же понимаетъ его какъ разъ обратно: въ глазахъ ея именно только то и хорошо, что сложно, хитро, дерзко. Имѣя въ виду это свойство массы, многіе, даже изъ числа обладающихъ даромъ простыхъ рѣшеній, въ видахъ выиграть въ глазахъ массы, заручиться авторитетомъ, бросаются въ сторону равнаго рода ухищреній, взбоекъ. Цѣль достигнута—масса вѣритъ въ ихъ авторитетъ, но *талантъ положительно потерянъ*, потому что, воектируя изо дня въ день, человекъ самъ, незаметно для себя, прививаетъ къ себѣ эту грустную привычку и, въ концѣ концовъ, обращается въ *эффектмейстера, штуркмейстера, въ faiseur'a*, которыми такъ богата была, къ несчастію, главная квартира французской арміи въ послѣднюю войну.

Не такимъ является Молтке, и не таковы вообще прусскіе военачальники и ихъ помощники. Тщательное изученіе дѣла, серьезныя и вполне честныя отношенія къ нему, полнѣйшее отсутствіе стремленія къ воектированію, необыкновенная простота не только въ дѣлѣ соображенія и исполненія военныхъ комбинацій, но простота *во всемъ*, даже въ образѣ жизни (что болѣе чѣмъ важно, разъ какъ дѣло касается *воспитанія себя въ духъ простоты во всемъ*)—вотъ ихъ отличительныя черты, представляющія уже сами по себѣ вѣрный залогъ къ побѣдѣ, въ особенности при встрѣчѣ съ *военнымъ дилетантизмомъ*, отличающимся именно обратными свойствами.

(*) Хорошій или дурной выборъ операціонной линіи рѣшаетъ успѣхъ войны. Если бы этотъ выборъ былъ, къ несчастію, ошибочно сдѣланъ, то всѣ ваши успѣхи, какъ бы они ни были блистательны сами по себѣ, *не приведутъ ни къ чему* (Ллойдъ).

«Если военное искусство заключается въ томъ, чтобы на рѣшительномъ пунктѣ театра военныхъ дѣйствій быть сильнѣе противника, то выборъ операціонной

самыя чувствительныя пункты въ расположении непріятеля, или, иначе, вопросъ о правильной постановкѣ цѣлей на войнѣ.

Нельзя не отдать полной справедливости цѣлеставителю: всѣмъ въ вполнѣ рациональномъ разрѣшеніи этого столь важнаго и, въ то же время, труднаго вопроса.

Первая цѣль ими поставленная: держаться въ оборонительномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока они не будутъ окончательно готовы къ открытію военныхъ дѣйствій — поставлена была вполнѣ вѣрно, согласно требованіямъ обстановки.

Разъ, какъ они оказались готовыми раньше противника, они задалась новой цѣлью (*вторую*): несмотря на не вполне выгодное первоначальное расположеніе ихъ силъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, не теряя ни минуты, перейти къ рѣшительному наступленію. Хотя и казалось бы, что они при этомъ дѣлають ошибку въ дальнейшей постановкѣ цѣли, т. е. быть не въ центрѣ, а въ оба фланга растянутого непріятельскаго расположенія, но это лишь кажущаяся ошибка, которая, съ точки зрѣнія *старой оцѣнки минуты*, напротивъ того, является дѣйствиємъ образцовымъ.

Не останавливаясь на приписываемомъ генералу Мольтке предположеніи: *покончить дѣло съ арміею Базена до Меца*, планъ, конечно, общаившемъ весьма важные результаты, но едва ли исполнимомъ по обстановкѣ, мы замѣтимъ, что слѣдующая цѣль (*третья*): *окружить Базена въ Мецѣ и окончательно отрезать его отъ арміи Макэ-Магона*, была на сколько вѣрно поставлена, на столько же и блестятельно осуществлена; равно какъ и послѣдующая (*четвертая*): *пересечь путь, по которому шла армія Макэ-Магона на выручку Базена*.

Такъ было въ *стратегической* сферѣ относительно постановки цѣлей.

Переходя къ *тактической* сферѣ, т. е. къ разбору вопроса о постановкѣ цѣлей собственно на полѣ сраженія, нельзя не затѣнуть слѣдующаго:

Въ бою *подъ Вейсенбургомъ*, преждевременный штурмъ крѣпости и самая атака съ фронта всей позиціи Дуэ не отвѣчаютъ идеѣ строгой, вѣрной постановки цѣли; но если принять во вниманіе, что наследный принцъ, въ самомъ началѣ войны, хотѣлъ этими атаками дать только урокъ войскамъ, чтобы показать имъ, что для линіи, какъ ближайшаго средства къ достиженію этой цѣли, долженъ быть разсматриваемъ какъ *фундаментальная база* хорошо составленнаго плана» (*Жюльни*).

хорошихъ войскъ имѣть ничего невозможнаго, то и неправильная постановка цѣли является до пѣкоторой степени оправданною.

Подъ *Вертема* ударъ въ самую чувствительную точку направляется *послѣ* атаке всѣхъ прочихъ пунктовъ неприятельской позиціи; но эта неправильная постановка цѣли не можетъ быть поставлена въ вину главнокомандующему, разъ какъ все сраженіе было разыграно не по заранее составленному плану, а по инициативѣ частныхъ начальниковъ; короче—разъ какъ это было случайное сраженіе.

Подъ *Форбахомъ*, не останавливаясь на наступительномъ актѣ, на дѣйствіяхъ Кансера, въ которыхъ одни видятъ образецъ и которые сильно поражаютъ другихъ, мы встрѣчаемъ вполне неправильную цѣль, поставленную генераломъ Цастровымъ, именно *выборъ для атаки праваго фланга неприятельской позиціи*—ошибка несомнѣнно стоявшая войскамъ большику усилій и значительныхъ потерь, но исправленная *благоприятною случайностью* (появленіемъ вечеромъ двухъ баталіоновъ изъ дивизіи Глюмера въ Форбахѣ).

Подъ *Мецаемъ*, бой при *Панюль*, кончившійся съ задержкѣмъ неприятеля на 48 часовъ, чтобы дать время принцу Фридриху-Карлу съ достаточными силами окончить возложенное на него обходное движеніе и захватить путь отступленія противника па Верденъ; *далѣе, во второй и третій день сраженія*, усиленныя дѣйствія противъ праваго фланга неприятеля, въ видахъ окончательнаго отрѣзанія Базена отъ Макъ-Магона—все это представляетъ цѣлый рядъ образцово-поставленныхъ цѣлей.

Наконецъ, подъ *Седаномъ*, отрѣзаніе Макъ-Магона отъ Мезіера и Кариньяна путемъ маневровъ, *предшествовавшихъ* бою (стратегическихъ) и отрѣзаніе его арміи отъ послѣдняго пути отступленія въ Бельгію путемъ маневровъ *на самомъ полѣ сраженія* (тактическихъ)—являются снова въ видѣ цѣлаго ряда весьма правильно, согласно требованіямъ обстановки, поставленныхъ цѣлей.

Обращаясь къ *французамъ* и имѣя въ виду ихъ *первою* цѣль: *наступленіе въ долину Майна...*, нельзя сказать, чтобы она была поставлена правильно, согласно требованіямъ обстановки, разъ какъ она далеко не отвѣчала тѣмъ средствамъ, которыми располагали французы для подобной операціи. При этомъ условіи (крайней несообразности въ средствахъ сравнительно съ противникомъ), даже въ случаѣ удачи вначалѣ, наступленіе было бы не болѣе, какъ держимъ предпріятіемъ (*une pointe*), которому, въ будущемъ, угрожала бы развязка, постигшая подобное же наступленіе Макъма въ 1805 г.

Сюда же должна быть отнесена и неправильная постановка Макъ-

Магономъ цѣли: *принятіе или сраженія* (у Фрошвейлера) *отсрочки линіи Вогзозъ*.

Далѣе, *эксцентрическое отступленіе* Макъ-Магона и Базена послѣ Верта и Форбаха, приведшее, само по себѣ, къ *прорыву* ихъ фронта, едва-ли тоже можетъ быть отнесено въ разрядъ правильно поставленныхъ цѣлей.

Что же касается до постановленной вслѣдъ за тѣми цѣли: *не принимая боя, отвести армию Базена къ Шалоту*, то цѣль эта была поставлена вполне правильно, чего опять-таки далеко нельзя сказать о цѣли седанской операціи, въ особенности о частныхъ колебаніяхъ и переменахъ въ постановкѣ цѣлей во время исполненія самой операціи.

Переходя *въ тактическую* сторону, прежде всего укажемъ на совершенно *безцѣльное* саарбрюкенское дѣло, 2-го августа, *безцѣльную* жертву дивизіи Дузъ подѣ Вейсшбургомъ, *безцѣльное* упорство Макъ-Магона подѣ Фрошвейлеромъ, дезорганизовавшее окончательно его войска; далѣе, на неправильную постановку цѣли Базеномъ 14-го августа, выразившуюся въ принятіи совершенно напраснаго боя у Борни, имѣвшаго для него въ результатъ потерю 48 часовъ; балансированіе между двумя совершенно противоположными цѣлями (съ девяти до трехъ часовъ), въ сраженіи 16-го августа и, наконецъ, на постановку цѣли несоответственно интересамъ Франціи, но часто въ личныхъ интересахъ самого Базена 18-го августа, выравнявшеюся въ угодіе его въ Мець.

Наконецъ, подѣ *Седаномъ*, во время самаго боя, нѣсколько разъ мѣняется постановка цѣли—необходимый, впрочемъ, результатъ смѣны нѣсколькихъ главнокомандующихъ; при этомъ теряется время и упускается благоприятная минута для ухода въ Бельгію.

И такъ, въ дѣлѣ самаго важнаго вопроса на войнѣ, мы видимъ: *со стороны пруссаковъ*, въ стратегіи всегда, а въ тактикѣ въ большей части случаевъ правильную постановку цѣлей, образцовый выборъ операціонныхъ линій и пунктовъ атакъ, а равно и неутомимое стремленіе къ достиженію развѣ-поставленной цѣли. У *французовъ* же цѣли ставятся большею частью неправильно, несоответственно требованіямъ обстановки, и, кромѣ того, замѣчаются непрерывное колебаніе, перемена цѣлей и направленій, неумѣніе во-время остановиться на чемъ либо.

4) Правильная постановка цѣли на войнѣ, искусный выборъ рѣшительныхъ пунктовъ, операціонныхъ линій, составляя одну изъ самыхъ существенныхъ задачъ, даже самую существенную, далеко

еще не составляет всего дѣла. Она свидѣтельствуетъ только объ искусно соображенномъ планѣ, о целесообразности его; но и лучшіе планы могутъ обратиться въ пустыя мечты, если они не будутъ на столько же искусно исполнены, какъ были соображены. Для этого, помимо правильной постановки цѣли, требуется еще умѣнье къ избранному рѣшительному пункту, въ рѣшительную минуту, сосредоточить превосходныя, сравнительно съ противникомъ, силы, что приводитъ къ искусному исполненію маршей — маневровъ, которыхъ успѣхъ всегда обуславливался и будетъ обуславливаться: скрытностью, быстротою и дальнѣйшими маршами къ обезпеченію ихъ отъ всякаго рода случайностей.

Не вдаваясь въ излишнія повторенія, нельзя не замѣтить, что всѣ марши-маневры германской арміи какъ нельзя болѣе удовлетворяли всѣмъ приведеннымъ условіямъ, которыя ставятся наукою для искуснаго исполненія маршей. Такимъ образомъ, *стратегическій фронтъ*, во время марша, нигдѣ не подвергается разрыву (благодаря чему избѣгается опасность отдѣльнаго пораженія). Этимъ и объясняется медленность первоначальнаго марша (ноя III-я армія не вынужетъ Ветеговъ). Далѣе мы видимъ *быстрое* движеніе II-й арміи къ Марсъ-ла-Туру и еще далѣе—III-й и IV-й армій къ Седану. Условіе *скрытности* было вполне удовлетворено, разъ какъ марши нѣмецкой арміи исполнялись подъ покровительствомъ непроницаемаго заслона изъ массы въ 60—70 тысячъ коней, выдвинутыхъ перехода на два впередъ. Съ точки *безопасности*, помимо скрытности и быстроты, самихъ по себѣ уже въ значительной степени способствующихъ къ обезпеченію марша, на сколько этому важному условію было удовлетворено,—стоитъ только припомнить *марш къ обезпеченію операціонной линіи* при поворотѣ II-й арміи къ Марсъ-ла-Туру, а III-й и IV-й на сѣверъ. Къ этимъ мѣбрамъ мы будемъ имѣть случай еще вернуться ниже.

Что же касается *французовъ*, то достаточно только припомнитъ страшную *потерю времени* Базена подъ Мецомъ и Макъ-Магона во время марша на Монведи; далѣе, почти неподвижность перваго, вообще крайнюю *насыщенность* (*) и необыкновенную *медленность* (въ особенности послѣднихъ маршей) втораго; наконецъ (*отсутствіе марша къ обезпеченію* и къ крайне опасныхъ фланговыхъ маршей,— достаточно все это припомнить, чтобы убѣдиться въ полнѣйшемъ съ

(*) Базенъ никакъ бы полное право считать поставленную ему задачу разрешенною, если бы 16-го августа захватилъ марсъ-ла-турскую дорогу, расположилъ бы приблизительно половину своей арміи по южную ея сторону и, подъ ея покровительствомъ, немедля началъ бы отводить остальныя войска къ Вердену.

ихъ стороны нарушенія всѣхъ основныхъ началъ, принциповъ теоріи военнаго искусства.

5) Искусное исполненіе марша, приводящаго къ сосредоточенію на полѣ сраженія превосходящихъ, сравнительно съ противникомъ, силъ, разрѣшая чрезвычайно важный вопросъ, не разрѣшаетъ оцѣнку всего дѣла. Для этого необходимо еще *искусное веденіе боя съ бою*. «Не присутствующія только на полѣ сраженія войска, а войска дѣйствующія рѣшаютъ судьбу битвы», говоритъ Жюини (ce ne sont pas les masses présentes sur le champ de bataille, mais les masses agissantes qui décident du sort des batailles) (*).

Искусство веденія боя (тактика), подобно тому какъ и *искусство веденія войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій* (стратегія), сводится, въ свою очередь, къ искусному выбору рѣшительнаго пункта поля сраженія, къ правильной постановкѣ цѣли (о чемъ было упомянуто выше), къ сосредоточенію, въ рѣшительную минуту, къ этому пункту превосходящихъ силъ, и, въ особенности, къ искусному приложенію къ дѣлу столь важнаго принципа взаимной поддержки, начала, на которомъ держится весь бой.

Что касается до сосредоточенія превосходящихъ силъ къ рѣшительному пункту поля сраженія, то мы видимъ *со стороны нѣмцевъ*:

Подъ *Вейсенбургомъ*, на рѣшительномъ пунктѣ поля сраженія, у Гейсберга, сосредоточиваются три прусскія бригады, 18—20 батальоновъ противъ восьми французскихъ батальоновъ.

Въ сраженіи при *Гравелотѣ* прусаки на рѣшительномъ пунктѣ, у Сень-Прива, имѣютъ пять корпусовъ (XII, гвардія, X, IX и III) противъ двухъ французскихъ: Канробера и Ламиро.

Въ сраженіи подъ *Седаномъ* почти двойныя силы окружаютъ французскую армію.

Подъ *Саарбрюкеномъ—Форбахомъ* и *Марса-ла-Туромъ*, нѣмцы на рѣшительномъ пунктѣ слабѣе французовъ. Такимъ образомъ, они грѣшатъ противъ одного изъ главныхъ принциповъ, лежащихъ въ основу искусства веденія боя, но, тѣмъ не менѣе, одерживаютъ побѣду, благодаря весьма искусному приложенію къ дѣлу другаго чрезвычайно важнаго начала — взаимной поддержки (движеніе на выстрѣлы, штыри къ обезпеченію лѣваго фланга, атаки кавалеріи). Наконецъ нельзя и въ этомъ случаѣ быть строгимъ къ нѣмцамъ, если принять въ соображеніе, что оба упомянутыя сраженія были даны

(*) Двойной перевѣсъ въ силахъ союзниковъ подъ *Люценомъ* (1813), въ началѣ сраженія, не спасъ ихъ отъ пораженія, вслѣдствіе неискускаго веденія боя, заключавшагося преимущественно въ неудовлетвореніи столь важному принципу *взаимной поддержки*.

помимо расчетов главнокомандующихъ, короче—что это были сраженія случайныя.

Чрезвычайно важная задача — *сосредоточенія возможно-большаго числа войскъ къ рѣшительному пункту поля сраженія*—въ большей части случаевъ рѣшающая участь боя, до сихъ поръ ложилась всюю своею тяжестью на *генія полководца*; у пруссаковъ же, въ послѣднюю войну, помимо распоряженій свыше (Гравелотъ и Седанъ), въ рѣшеніи этого важнаго вопроса принимаетъ весьма дѣятельное участіе и *самая система боевой подготовки войскъ въ мирное время*, заключающаяся въ развитіи въ ближайшихъ начальникахъ войскъ самостоятельности, инициативы, духа мгновенныхъ рѣшеній (*).

Инициатива частныхъ начальниковъ въ окончательномъ смыслѣ выражается: а) въ *облегченіи управленія* нынѣшними громадными арміями на нынѣшнихъ обширныхъ поляхъ сраженія: *стоитъ только только дать общее направленіе, хвостъ уже подтянется самъ* (III-й корпусъ въ сраженіи при Марсъ-ла-Туръ; къ нему подтягиваются части X-го корпуса, 5-я кавалерійская дивизія, бригада Ломана, отрядъ Линдера и части VIII-го и IX-го корпусовъ); б) *заранѣе производится всомнѣнная поддержка*, одно изъ самыхъ капитальныхъ условій для успѣха въ бою, и в) въ концѣ-концовъ, облегчается разрѣшеніе существенно-важнаго вопроса о *сосредоточеніи*, въ кратчайшее время, *возможно-большаго числа войскъ къ рѣшительному пункту поля сраженія*, рѣшеніе котораго, до сихъ поръ, какъ приведено выше, предпочтительно выпадало на долю полководца (**).

(*) Здѣсь кѣ-то припомнить замѣчательный отвѣтъ адъютанта Наполеона I, генерала Савари, данный имъ императору Александру I, послѣ аустерлицкаго сраженія, на вопросъ Государя: «Скажите, какъ вы распорядились, что, будучи слабѣе насъ, вы на всѣхъ пунктахъ поля сраженія оказались сильнѣе?»—«Ваше Величество», отвѣчалъ Савари, «въ этомъ и заключается военное искусство (Sire, c'est l'art de la guerre).

(**) Последняя война представляетъ цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о разрѣшеніи вопроса относительно сосредоточенія превосходныхъ силъ къ рѣшительному пункту, помимо *генія* полководца, самими войсками (т. е. *системою*):

1) *Вейсенбургъ*: части V и XI корпусовъ сворачиваютъ на поле сраженія на выстрѣлы.

2) *Вертъ*: всѣ войска слетаются на выстрѣлы и группируются около V корпуса, начавшаго бой и составившаго основное ядро общаго боеваго порядка.

3) *Сварбрюленъ*: части VII и VIII корпусовъ и, кромѣ того, даже части другой арміи (III корпусъ) спѣшатъ на поле сраженія на выстрѣлы.

4) *Панжъ-Борни*: хотя всѣ части и направляются къ рѣшительному пункту, къ мѣсту расположенія 26-й и 2-й бригады, по распоряженію свыше, но *приказаніе застаетъ ихъ уже въ движеніи*. Наконецъ, дивизія (18-я) Врангеля, опять

Нѣтъ сомнѣнія, что и *частная инициатива*, какъ и все на свѣтѣ, имѣетъ свою обратную сторону, которая тоже довольно рельефно обрисовалась въ событіяхъ послѣдней войны (Вертъ, Саарбрюкенъ-Форбахъ, даже Марсъ-ла-Туръ), именно, что, благодаря излишнему рвенію непосредственныхъ начальниковъ войскъ, нерѣдко *нарушались общіе расчеты и войска несли лишнія потери*—все это слишкомъ вѣрцо, и избѣжать этого возможно, только отказавшись отъ злоупотребленія, самого по себѣ, превосходнаго начала (*)—но зато, *въ теченіе всей кампаніи, не было потерянн нмъ одной благоприятной минуты*, а это болѣе чѣмъ важно.

Разбирая съ той же точки *дѣйствія французсовъ* въ послѣднюю кампанію, мы видимъ, *въ бою*, съ одной стороны, отчаянную храбрость войскъ, неотъемлемо-принадлежащую французамъ, а съ другой—*крайнюю неумѣлость* въ ихъ начальникахъ въ дѣлѣ веденія боя.

1) Въ день сраженія подъ *Вертома*, помимо того что *Мазе-Магенъ* излишне затянулъ бой, *Фальи* бездѣйствовалъ у *Бина*.

2) Также дѣлаетъ и *Базенъ* въ день *форбахскаго* сраженія.

3) Во второй и третій день *мецкаго* сраженія бой былъ бы разыгранъ хорошо, но только тогда, если бы главная масса резервовъ была приближена къ правому флангу, а не къ лѣвому, какъ то было на самомъ дѣлѣ, и если бы *Базенъ* правымъ флангомъ дѣйствовалъ рѣшительно наступательно.

4) О слѣдахъ искусства въ отчаянной боинѣ на жизнь и на смерть подъ *Седаномъ*, конечно, и рѣчи быть не можетъ.

И такъ, въ то время, какъ въ дѣйствіяхъ *пруссаковъ на полѣ сраженія* мы видимъ подлѣйшее, удаженіе и искусное приложеніе къ дѣлу двухъ наиболѣе важныхъ принциповъ *взаимной поддержки и сосредоточенія силъ къ рѣшительному пункту*—у французовъ, на такъ другой арміи, является на полѣ сраженія до собственной инициативы. Появленіе ея рѣшаетъ участь боя.

5) *Марсъ-ла-Туръ*: главнокомандующій направляетъ только III-й корпусъ и отчасти IX-й, всѣ остальные спячатъ на выстрѣлы.

Очевидно, такимъ образомъ, на сколько путемъ систематическаго привитія къ войскамъ и ихъ начальникамъ вышеприведеннаго начала облегчается, въ настоящее время, рѣшеніе этого капитальнаго вопроса.

Мѣры, принятыя въ Пруссіи, къ развитію столь важнаго въ новѣйшей тактикѣ начала, заключаются прежде всего: 1) въ децентрализціи всеянаго управленія, и 2) въ системѣ самаго обученія, въ характерѣ веденія маневровъ.

(*) *Вездѣ и повсюду, для выработки правильнаго взгляда, слѣдуетъ, прежде всего, остерегаться смѣшивать злоупотребленіе известнымъ дѣломъ съ самимъ дѣломъ, противъ чего обыкновенно болѣе чѣмъ часто грѣшатъ.*

оборотъ, мы встречаемъ полнѣйшее ихъ нарушеніе чуть-ли не на каждомъ шагѣ.

Наконецъ, еще одно изъ самыхъ существенныхъ основаній стратегіи—5) *обезпеченіе операціонной линіи* (*) въ каждомъ положеніи арміи, т. е., впродолженіи говоря, обезпеченіе тыла и фланговъ арміи получило, въ дѣйствіяхъ прусаковъ, полнѣйшее приложеніе къ дѣлу.

До Меца она получила надежное обезпеченіе въ самомъ положеніи нѣмецкихъ армій. При поворотѣ на сѣверъ къ Марсъ-ла-Туру и далѣе къ Сенъ-Прива, она получила полное обезпеченіе въ рядѣ превосходныхъ и тѣрь разобранныхъ мною въ своемъ мѣстѣ. При движеніи къ Седану она была обезпечена численнымъ превосходствомъ нѣмцевъ, быстротою марша, отдѣленіемъ для этой цѣли извѣстнаго числа войскъ (расположеніе VI корпуса и кавалеріи) и, наконецъ, побѣдою (**).

У французовъ—возьмемъ ихъ операціонную линію хоть въ два самыхъ важныхъ момента кампаніи, именно: во время нахождения Базена подъ Мецомъ (линія Мець-Верденъ-Шалонъ) и во время марша Маъ-Магона отъ Реймса къ Монмеди. Нетрудно будетъ замѣтить, что, въ обоихъ случаяхъ, благодаря *потерь времени и отсутствію мѣръ къ обезпеченію марша*, ихъ операціонныя линіи находились на воздухѣ.

Такимъ образомъ, и въ этомъ чрезвычайно важномъ дѣлѣ, въ обезпеченіи операціонной линіи, короче—въ рѣшеніи всѣхъ капитальныхъ вопросовъ стратегіи—мы видимъ у прусаковъ полное уваженіе къ принципамъ, къ основнымъ началамъ искусства, а у французовъ, наоборотъ, полнѣйшее къ нимъ пренебреженіе, чѣмъ и объясняется ближе всего полный успѣхъ съ одной и полнѣйшая неудача съ другой стороны—къ чему приводило и всегда будетъ приводить неуваженіе къ основнымъ законамъ военного искусства. И послѣ этого, послѣ недобрыхъ уроковъ исторіи, неужели еще найдутся сомнѣвающіеся въ существованіи такихъ законовъ, тѣмъ болѣе когда, въдобавокъ, они признаны всѣми лучшими военными авторитетами?

(*) «Никогда не слѣдуетъ обнажать своей операціонной линіи: это азбука военного дѣла....» Наполеонъ I.

(**) Я здѣсь упоминаю только о мѣрахъ къ обезпеченію операціонной линіи въ частяхъ ея ближайшихъ къ полю дѣйствій, не вдаваясь въ дальнѣйшее ея обезпеченіе, устройство тыла, т. е. касаясь этого вопроса на сколько онъ входитъ въ область собственно теоретической части стратегіи, оставляя въ сторонѣ техническую его часть. Разборъ кампаніи, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, бесспорно чрезвычайно поучителенъ и интересенъ, но сдѣлается возможнымъ только тогда, когда мы будемъ располагать вполне обстоятельными, детальными свѣдѣніями, которыхъ пока не имѣется.

Для окончательной оценки внутреннему содержанию действий пруссаков въ послѣднюю кампанію, намъ остается еще взглянуть на нихъ съ точки проявленія въ нихъ случайностей, т. е. *берета-ли въ ливъ перевьса расчетъ надъ случайностями или наоборотъ; что въ нихъ должно быть отнесено на долю таланта (расчета) и что на долю счастья (случая)?*

Извѣстно, что веденіе войны не есть дѣло строгаго математическаго расчета, не будучи, въ то же время, игрою, а представляетъ своего рода *теорію вѣроятностей*.

«Предпріятіе уже хорошо соображено, если двѣ трети шансовъ отнесены на долю расчета, а одна треть на долю случайностей. Тотъ, кто желалъ бы ничего не предоставлять на войнѣ случаю, тому можно ровно ничего не предпринимать» (*Наполеонъ I*).

«На войнѣ необходимы: искусство и счастье. Встрѣчаются такіе несчастныя событія, въ которыхъ весь запасъ человѣческой предусмотрительности и самый основательный расчетъ оказываются безсильными...» (*Фридрихъ II*).

Итакъ, окончательно освободиться отъ случайностей нельзя, но стараться уменьшить ихъ должно. Такимъ образомъ, чѣмъ больше шансовъ будетъ отнесено на долю расчета, тѣмъ выше становится, по внутреннему своему содержанию, известная комбинація, а наоборотъ.

Разбирая вышепоставленный вопросъ: что преобладало въ дѣйствіи пруссаковъ: расчетъ надъ случайностями или наоборотъ?—съ перваго взгляда казалось бы, что случайности брали верхъ, особенно въ началѣ. Исключая *Панжа, Гравелота и Седана*, сраженій данныхъ по инициативѣ главнокомандующихъ, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ сраженій, разыгранныхъ помимо расчета свыше: *Вейсембургъ, Вертъ, Фербахъ, Марсъ-ла-Туръ*—сраженія случайныя, а «сраженія, о которыхъ нельзя сказать: зачѣмъ они были даны» (т. е. случайныя сраженія), какъ говоритъ маршалъ Саксонскій, «составляютъ обыкновенное средство невѣжества (*sont la ressource ordinaire de l'ignorance*).

Отзывъ этотъ, какъ онъ ни рѣзокъ, тѣмъ не менѣ совершенно справедливъ относительно случайныхъ сраженій, но только тогда, когда они являются результатомъ полного отсутствія или недостатка расчета.

Такъ-ли было въ данномъ случаѣ? отсутствіемъ-ли или недостаткомъ расчета объясняется эта масса случайныхъ столкновеній? Положительно нѣтъ. Истинная причина ихъ коренится въ *машинелю*

решеніи обоевъ и изъ блуждающихъ начальниковъ, въ измѣненіи развитія въ прусскихъ войскахъ частной инициативы, такъ, сказать въ злоупотребленіи ею.

Вотъ въ чемъ заключается истинный источникъ этой массы случайныхъ сраженій, а отнюдь не въ недостатокъ расчета, который у прусаковъ проявляется вездѣ и во всемъ, и только развѣ *предвѣщается* великимъ рвеніемъ войскъ.

Внимательное изученіе кампаній достаточно свидѣтельствуетъ, въ какой мѣрѣ прусаки стремились оградить себя отъ неблагоприятныхъ случайностей и, въ то же время, бить ими противника, что видно, между прочимъ, хотя бы изъ превосходнаго употребленія ими кавалеріи для боя.

Если, такимъ образомъ, у прусаковъ, несмотря на значительное число случайныхъ столкновеній, въ ихъ дѣйствіяхъ замѣчается *преобладаніе расчета надъ случайностями*, то у французовъ мы опять видимъ обратное. *Отчаянная храбрость войскъ, изнемогающихъ подъ ударами цѣлаго ряда самыхъ неблагоприятныхъ случайностей, отъ Вейсенбурга до Седана, при полномъ отсутствіи или недостаткѣ расчета*—вотъ въ чему сводится для нихъ внутреннее содержаніе всей кампаніи.

Принимая во вниманіе все изложенное, на основаніи критическаго анализа фактовъ нынѣшней войны, мы вправѣ сказать, что она была вѣдена пруссаками *воплнѣ методически*, т. е. воплнѣ согласно требованіямъ основныхъ началъ (законовъ) военного искусства (*). Такой же *эксцентричности* въ дѣйствіяхъ, такого безобразія какъ дѣйствія французовъ въ послѣднюю войну, военная исторія не представляетъ. Передъ нами блѣднѣютъ Ульмъ и проч. Поэтому-то послѣдняя война, когда она будетъ воплнѣ разработана, должна считаться въ высшей степени поучительною, по массѣ представляемыхъ ею образцовъ въ положительномъ и въ отрицательномъ смыслѣ.

Послѣ всего сказаннаго можетъ показаться нѣсколько страннымъ выводъ: что у прусаковъ, въ послѣднюю войну, *болѣе работала система, чѣмъ индѣя полководца*.

Такимъ выводомъ я вовсе не думалъ уменьшать заслугъ и таланта вѣмецкихъ вождей, а имѣлъ въ виду только отмѣтить то явленіе, что изъ пяти заштатныхъ вопросовъ стратегіи (съ точки

(*) . . . «Каждая война, вѣденная согласно требованіямъ основныхъ началъ военного искусства, есть *методическая война*». *Наполеонъ I*.

оторыкъ я и разбираалъ все дѣйствія), разрѣшеніе которыхъ до этой войны въ большей части случаевъ цѣлкомъ ложилось на геній полководца, четыре системю сняты (по крайней мѣрѣ, въ значительныхъ размѣрахъ) съ полководца, на долю котораго выпадаетъ собственно одинъ (но за то и самый важный): *правильная постановка цѣли и неуклонное стремленіе къ достиженію развѣ поставленной цѣли*—вопросъ, въ рѣшеніи котораго пруссаки, въ послѣднюю войну, показали себя столь великими мастерами. Бороче: формулируя подобнымъ образомъ вышеприведенный выводъ, я имѣлъ въ виду только рельефнѣе обрисовать *вромадное значеніе военной системы*, столь рѣзко выдвинутое войною 1870 года.

Отдавая, такимъ образомъ, полную справедливость искуснымъ дѣйствіямъ пруссаковъ, какъ стратегическимъ, такъ и тактическимъ, слѣдуетъ спросить: *можно-ли ихъ считать творцами въ стратегическомъ и тактическомъ искусствѣ;—составляютъ-ли ихъ дѣятелія эру, начало новой эпохи въ развитіи военнаго искусства, подобно 1796, и въ особенности 1800 году?*

На этотъ вопросъ мы позволимъ себѣ отвѣтить отрицательно. *Ихъ стратегическое и тактическое искусство—это тоже наполеоновское, но только возведенное въ строю-логически-последовательную систему*; они только систематизировали гениальные проблески, вопышки Наполеона I въ области стратегическаго и тактическаго искусства (и те уже заслуга немаловажная). Такимъ образомъ, ихъ *стратегическіе маневры* подъ Мецомъ и Седаномъ—это воспроизведеніе Ульма, Иены, и въ особенности знаменитаго маневра, предшествовавшаго Маренго, *прототипа* ихъ всѣхъ. Мы, слѣдовательно, и по настоящее время, въ сферѣ стратегическаго и тактическаго искусства, переживаемъ еще наполеоновскую эпоху. Въ одномъ только отношеніи пруссаки дѣйствительно ушли далѣе Наполеона I—это въ дѣлѣ *методическаго маневрированія большими массами на полѣ сраженія* (Гравелотъ и Седанъ), т. е. въ дѣлѣ, такъ сказать, *тактическаго маневрированія*.

До сихъ поръ я разбираалъ дѣйствія той и другой стороны, въ исследованный мною періодъ войны, исключительно съ точки *приложенія къ нимъ основныхъ принциповъ стратегии и тактики*, т. е. болѣе, такъ сказать, съ точки *идеи, духа дѣла, ихъ внутренняго содержанія* (ведено-ли было дѣло методически?); теперь обращаюсь къ *формальной, внешней* сторонѣ дѣла, къ разбору того, въ какую *форму* предпочтительно выливались стратегическія и

тактическія комбинаціи въ послѣднюю войну, имѣя, при этомъ, конечно, въ виду, что одна и та же идея, при приложеніи ея къ дѣлу, въ зависимости отъ безконечно-разнообразныхъ условій, отъ обстановки, можетъ и должна принимать и безконечно-разнообразныя формы (*).

Нѣсколько странно, послѣ этого, можетъ показаться задача, которую я себѣ ставлю, именно—ислѣдованіе *вѣчной, формальной* стороны дѣла, разъ какъ форма уходитъ въ безконечность. Съ одной стороны это совершенно вѣрно; но съ другой, обстановка, мѣняясь въ частностяхъ до безконечности, въ главныхъ, основныхъ чертахъ, въ теченіе извѣстнаго періода времени, иногда довольно продолжительнаго, сохраняетъ свою особую фазіономію, отъ чего и рѣшеніе всѣхъ стратегическихъ и тактическихъ вопросовъ, въ этотъ періодъ времени, имѣетъ какъ бы свой *типъ*. На этихъ-то *типическихъ* формахъ, которыя склонны принимать стратегическія и тактическія комбинаціи, въ современную намъ эпоху, я и имѣю въ виду нѣсколько остановиться.

При разсмотрѣніи наступленія германскихъ армій отъ границъ до Мозеля, бросается въ глаза необыкновенное сходство *стратегической* стороны дѣла съ таковою же въ дѣйствіяхъ союзниковъ въ 1813 году, послѣ перемирія, въ особенности съ дѣйствіями пруссаковъ же въ кампанію 1866 года, и, наконецъ, вообще съ стратегическою системою Бюлова. Тоже, впрочемъ, замѣчается и относительно тактической стороны.

И дѣйствительно: во всѣхъ приведенныхъ кампаніяхъ мы видимъ со стороны наступающаго *три арміи*, опирающіяся на охватывающія базы, короче: *раздѣленіе силъ*, дѣйствія по *наружнымъ* операционнымъ линіямъ, мотивируемая въ кампаніи 1813 и 1870 годовъ значительнымъ *превосходствомъ въ силахъ, матеріальнымъ превосходствомъ*, а въ кампанію 1866 года (**) *нравственнымъ* превосходствомъ надъ противникомъ. Положеніе въ 1870 году германскихъ армій, сосредоточенныхъ на одной изъ вѣтвей ихъ двойной базы, на пространствѣ отъ Трира до Лаутербурга, вполне совпадаетъ съ положеніемъ самой сильной изъ трехъ армій союзниковъ въ 1813 году, богемской. Какъ первая, такъ и послѣдняя находятся совершенно въ одинаковомъ положеніи къ операционной линіи противника (къ сообщеніямъ Наполеона I, въ случаѣ наступленія его отъ Дрездена на Геранцъ,

(*) «Всѣ вопросы высшей тактики—это неопредѣленные физико-математическія задачи, допускающія множество рѣшеній....» *Наполеонъ I.*

(**) Съ точки матеріальныхъ условій, силы обѣихъ сторонъ были почти равны.

Левенбергъ, и къ операционной линіи Наполеона III, наиболѣе вѣроятной для вторженія въ Германію отъ Максау или Лаутербурга въ великое герцогство Баденское, между крѣпостями Раштадтомъ и Гермерсгеймомъ, которую имѣлъ въ виду выбрать Наполеонъ III). Какъ позиція богемской арміи въ 1813 году, такъ и положеніе, занятое германскими арміями непосредственно передъ открытіемъ нынѣшней войны, были, въ сущности, позиціями *фланговыми*. Далѣе, во всѣ три кампаніи мы видимъ *концентрическое наступленіе*: въ 1813 году всѣхъ трехъ армій къ Дрездену, въ 1866 къ Кениггрецу, а въ 1870 году двухъ армій къ Мецу, играющему, въ данномъ случаѣ, роль Кениггреца.

Теперь припомнимъ, что рекомендуетъ Бюловъ въ видѣ *лучшаго* способа дѣйствій для *всѣхъ* случаевъ. *Относительно стратегии* его теорія, какъ извѣстно, приводится къ слѣдующему: охватывающая база, раздѣленіе силъ и наступленіе по нѣсколькимъ концентрическимъ линіямъ; въ случаѣ обороны, опять-таки раздѣленіе силъ (1812 г.), уклоненіе отъ боя съ фронта, въ этомъ направленіи только одни демонстративныя дѣйствія, занятіе главными силами фланговыхъ позицій для дѣйствія на флангъ и сообщенія непріятеля; въ случаѣ неудачи—эксцентрическое отступленіе для перехода къ концентрическому наступленію (что и было буквально исполнено союзниками въ 1813 году). Въ отношеніи къ *тактикѣ*, онъ считаетъ *лучшимъ* способомъ дѣйствій атаку на флангъ непріятеля, а еще лучше на оба фланга, такъ называемое окрыленіе, (Ueberflügeln), примѣненное въ 1813 году подъ Лейпцигомъ, въ 1866 году подъ Кениггрецомъ, а въ 1870 году въ большей части сраженій и, въ особенности, подъ Седаномъ.

Если принять во вниманіе успѣшное примѣненіе системы Бюлова во всѣхъ приведенныхъ кампаніяхъ, мало того—блестательное приложеніе ея къ дѣлу пруссаками въ 1866 году и въ 1870 году, съ одной стороны, а съ другой постоянную критику, мало того—даже насмѣшки, которыя безпрестанно сыплются на ученіе Бюлова, то легко можно придти къ заключенію, что Бюловъ правъ, и что насмѣшки надъ нимъ свидѣтельствуютъ только о невѣжествѣ критиковъ его. Но такое заключеніе, несмотря на блестящія успѣхи пруссаковъ, дѣйствительно примѣнявшихъ его теорію въ 1866 и 1870 годахъ, было бы, въ свою очередь, въ высшей степени несправедливо. Въ видахъ уясненія этого вопроса, *возьмемъ насъ наградить новою системою* въ такомъ дѣлѣ, гдѣ всякая система

есть, прежде всего, ложь и нелѣпость, я и позволяю себѣ нѣсколько остановиться на этомъ предметѣ.

Прежде всего замѣтимъ, что система Бюлова, какъ одинъ изъ безконечнаго множества способовъ дѣйствій, отвѣчающій только извѣстнымъ условіямъ, въ ряду которыхъ первое мѣсто занимаютъ: *значительное превосходство въ силахъ надъ непріятелемъ и опасное положеніе его операціонной линіи*, вовсе не есть нелѣпость. Условія эти и существовали именно въ приведенныхъ выше кампаніяхъ. Оттого бюловскій образъ дѣйствій, какъ способъ дѣйствій, вполне отвѣчавшій *извѣстной* обстановкѣ, и привелъ къ успѣху. Но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ нелѣпостью и навсегда ею останется въ томъ видѣ, какъ онъ предложенъ самимъ Бюловымъ, т. е. какъ способъ дѣйствій, пригодный для *всяка* случая, для *всяка* обстановки, какъ *универсальный рецептъ*, потому что такихъ рецептовъ нѣтъ и быть не можетъ. За таковой, однакожъ, нѣмцы, большіе любители все подводить подъ извѣстныя системы, готовы, кажется, признать его, какъ это, между прочимъ, видно изъ нѣсколькихъ статей, помѣщенныхъ въ «Kriegszeitung».

Тамъ же, по поводу предположенія, высказаннаго въ «Mémorial politique», что, съ прибытіемъ Наполеона на театръ военныхъ дѣйствій, французская армія начнетъ наступленіе одновременно на сѣверъ и на югъ, чтобы заставить раздѣлить непріятельскія силы и занять относительно ихъ *внутреннее* положеніе—«Kriegszeitung» говоритъ: «*Это слово въ слово какъ въ 1866 году*; добрые французскіе и другіе стратеги (Strategern) все еще воображаютъ, что арміи въ 300 тысячъ можно перебрасывать такъ же легко, какъ небольшіе армейскіе корпуса сто лѣтъ тому назадъ. *Внутреннія линіи*, дѣйствія сосредоточенными силами, этотъ основной законъ стратегіи прошлаго столѣтія (?)—бродятъ еще (spruckt noch) въ головѣ многихъ новѣйшихъ полководцевъ (?). Во всякомъ случаѣ, въ 1866 году австрійцамъ съ ними плохо пришлось» (?).

Мы признаемъ другіе принципы (?) Нашъ великій стратегъ Мольтке, никогда не теряющій напрасно словъ, высказалъ принципъ новѣйшаго образа веденія войны въ четырехъ словахъ:

«*Врознь двигаться, а вмѣстѣ драться*»—и мы увидимъ, окажется ли это на столько же вѣрнымъ въ 1870 году, какъ то оказалось въ 1866 году (Kriegszeitung № 6)».

Сколько запоспчивости и превратнаго пониманія дѣла въ этихъ нѣсколькихъ словахъ! Да, успѣхъ отуманиваетъ.

Во-первыхъ, «*врозь двигаться, а вмѣстѣ драться*», формула,

дѣйствительно весьма мѣтко характеризующая новѣйшій образъ веденія войны (со введенія ревизіцій и фуражировокъ, и въ особенности большихъ армій) принадлежитъ не Мольтке, а Наполеону (*se séparer pour vivre et se réunir pour combattre*); во-вторыхъ, если пруссаки въ 1866 и въ 1870 годахъ дѣйствовали по *маруэ-мыль* операціоннымъ линіямъ и раздѣляли свои силы потому, что обстановка этого требовала, то далеко еще отсюда не слѣдуетъ, чтобы *внутреннія* операціонныя линіи и принципъ сосредоточенія силъ отжили свой вѣкъ. Желательно было бы знать, по какимъ операціоннымъ линіямъ, какъ не по внутреннимъ, дѣйствовалъ съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ Фогель фонъ-Фалькенштейнъ въ 1866 году, и именно потому, что прежде всего онѣ отвѣчали требованіямъ обстановки. Желательно бы также знать, какъ пруссаки рассчитываютъ дѣйствовать, когда имъ придется имѣть дѣло съ непріателемъ, который будетъ сильнѣе ихъ, какъ не по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ. Въ третьихъ, если «австрійцамъ съ ними (внутренними линіями) *мало пришло въ 1866 году*», то въ этомъ вина не внутреннихъ операціонныхъ линій, а дурное пользованіе ими со стороны австрійцевъ (неподвижность, переходъ въ наступленіе небольшими частями) и, наконецъ, въ четвертыхъ, что это значить: «мы признаемъ другіе принципы»? Какъ будто бы принципы когда нибудь могутъ мѣняться... Высказываться подобнымъ образомъ значить ни болѣе ни менѣе какъ не имѣть ни малѣйшаго понятія о принципахъ, вѣчно самихъ по себѣ неизмѣнныхъ, но только допускающихъ, смотря по обстановкѣ, безконечно-разнообразное приложеніе къ дѣлу. Смѣшивать *принципы* съ ихъ *приложеніемъ*, возводить частный случай, одинъ изъ безконечнаго множества способовъ дѣйствій, въ законъ, à la Бюловъ—значить совершенно превратно понимать дѣло.

Мы, съ своей стороны, уважаемъ другую стратегію, единственно истинную, ту, которая не возводитъ *нѣкоторыхъ* только способовъ дѣйствій, примѣнимыхъ при *известной* обстановкѣ, въ законъ, а, напротивъ того, указывая выгоды и недостатки различныхъ способовъ дѣйствій и примѣнимость *каждою* изъ нихъ при соответственной обстановкѣ, признаетъ *законность ихъ всѣхъ въ свое время и на своемъ мѣстѣ* и, въ концѣ-концовъ, признавъ законность ихъ всѣхъ, подводитъ эту безконечную вереницу способовъ дѣйствій, это безконечное число частныхъ случаевъ подъ *известныя, общія, вѣчно неизмѣнныя* принципы, независимыя отъ времени, мѣста, оружія...., т. е. законы.

Перехода къ *тактической сторонѣ* дѣла, мы опять-таки ви-

димъ, какъ въ дѣйствіяхъ союзниковъ въ 1813 году (Лейпцигъ), такъ и въ особенности въ сраженіяхъ пруссаковъ въ 1866 году и въ 1870 году тоже дѣйствіе на флангъ (Вейсенбургъ, Вертъ, Саарбрюкенъ) или на оба фланга (Мецъ, Кениггрецъ, Седанъ, въ особенности Седанъ — überflügeln), т. е. опять ту же теорію Бюлова и опять — таия потому, что способъ дѣйствій Бюлова, рекомендуемый имъ въ смыслѣ лучшаго, для всѣхъ случаевъ универсальнаго рецепта, на *этомъ разѣ* вполне отвѣчалъ обстановкѣ, въ которой главною данною были: значительное численное превосходство (1813 и 1870) и громадное нравственное превосходство (1866) на сторонѣ атакующаго (*).

И такъ, *раздѣленіе силъ, дѣйствія по наружнымъ операціоннымъ линіямъ, употребленіе обходовъ* въ самыхъ широчайшихъ размахѣхъ, какъ *стратегическихъ*, такъ и *тактическихъ* — вотъ формы, въ которыя въ разсмотрѣнный мною періодъ кампаній вылились стратегія и тактика пруссаковъ; но, замѣчу опять, никакъ не потому, чтобы онѣ были, вообще, абсолютно лучше другихъ, а единственно потому, что онѣ ближе отвѣчали требованіямъ извѣстной обстановки.

II.

ВЪ ЧЕМЪ СТРАТЕГІЯ И ТАКТИКА ДОЛЖНЫ ИЗМѢНИТЬСЯ ПОДЪ ВЛІЯНІЕМЪ СОВРЕМЕННЫХЪ УСЛОВІЙ?

Разобравъ на сколько дѣйствія обѣихъ сторонъ, *по своему внутреннему содержанию*, отвѣчали основнымъ началамъ, принципамъ военного искусства, и какую *форму* они предпочтительно принимали, въ зависимости отъ обстановки, обращаюсь къ изслѣдованію вопроса о томъ: *въ чемъ и на сколько стратегія и тактика должны измѣниться подъ вліяніемъ современныхъ условій?*

Прежде всего я долженъ замѣтить, что главныя основанія стратегіи, основныя начала ея, въ систематическомъ сводѣ и составляющія стратегію — науку, останутся навсегда неизмѣнными.

Такимъ образомъ, при *выборѣ операціонныхъ линій* всегда будутъ руководствоваться тѣмъ, чтобы онѣ: 1) вели къ достиженію важной цѣли; 2) были удобнѣйшими и кратчайшими, и 3) безопас-

(*) *Типомъ сраженій въ новѣйшихъ кампаніяхъ дѣйствительно служитъ лейпцигское, съ тою замѣчательною равницею, характеризующею какъ нельзя лучше достоинство руководителей, что въ новѣйшихъ сраженіяхъ мы видимъ полное или неполное окруженіе, при достаточно сильномъ, во всякомъ случаѣ, занятіи важнѣйшаго, рѣшительнаго пункта, а подъ Лейпцигомъ мы видимъ окруженіе Наполеона I, съ крайне слабымъ (подъ конецъ только одними казаками) занятіемъ его единственнаго пути отступленія, близъ Лиденау.*

ными, т. е. тѣмъ же, чѣмъ руководствовались и донынѣ. Въ подтвержденіе этого, если сравнить, съ точки *обезпеченія операционной линіи*, наприѣръ хоть дѣйствія: 1) Александра Великаго послѣ Гранина, 2) Густава-Адольфа послѣ высадки въ устьѣ Одера, 3) генерала Бонапарте въ 1800 году, послѣ перехода черезъ Альпы (движеніе отъ Иврен на Миланъ), и 4) открытіе пруссаками похода 1866 года (движеніе не изъ Силезіи на Моравію, а изъ Саксоніи на Богемію), то нельзя не удивляться, что они весьма близко подходят другъ къ другу, и не только по внутреннему содержанию, но *идея*, но даже и по *формѣ*, по самому способу ихъ осуществленія. Во всѣхъ ихъ мы видимъ одно и то же *удлиненіе базы*, во имя одного и того же *стратегическаго закона*, требующаго, *чтобы операционная линія была всегда безопасна*.

Далѣе, при исполненіи *маршей-маневровъ* всегда имѣли и будутъ имѣть въ виду одни и тѣ же основныя условія, именно: *скрытность и быстроту*. Искуснымъ приложеніемъ ихъ къ дѣлу объясняется успѣхъ какъ самыхъ отдаленныхъ маршей (перехода Аннибалы черезъ Клувиумское болото), такъ и болѣе близкихъ къ намъ (движеніе Бонапарте отъ Валенцы къ Пизачецъ) и, наконецъ, маршей германской арміи въ послѣднюю войну.

То же самое, конечно, относится и къ тактикѣ, т. е. къ главнымъ основаніямъ для построенія войскъ для боя (боевые порядки), для веденія самаго боя. Такимъ образомъ, принципъ сосредоточенія силъ къ рѣшительному пункту и принципъ взаимной поддержки останутся неизмѣнными (*), но измѣнятся лишь приложеніе ихъ.

Въ этомъ смыслѣ выраженіе «*новое оружіе—старая тактика*» (*neue Waffen—alte Taktik*) какъ нельзя болѣе справедливо.

И такъ, измѣненія въ стратегіи и въ тактикѣ не могутъ коснуться вѣчно-неизмѣнныхъ, основныхъ ихъ началъ, независимыхъ отъ времени, мѣста, оружія, т. е. не могутъ коснуться стратегіи и тактики какъ *науки*, а лишь только *приложенія* этихъ началъ, т. е. стратегіи и тактики какъ *искусства*.

Какъ замѣчено было уже выше, помимо безконечно-разнообразныхъ измѣненій въ приложеніи основныхъ началъ, это приложеніе, въ *каждую эпоху*, въ зависимости отъ состоянія оружія, вообще

(*) Справедливость этого вида даже изъ сближенія самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга фактовъ, хоть сраженій при *Левктрахъ* и *Гравелотъ*, успѣхъ въ которыхъ объясняется одинаково искуснымъ приложеніемъ къ дѣлу означенныхъ принциповъ. Мало того: помимо этого сходства по *внутреннему содержанию*, между ними замѣчается и немалое *внѣшнее, формальное сходство* (уступы)—само собою разумѣется—уже чисто *случайное* на этотъ разъ.

военной техникой и проч., вообще въ *зависимости отъ своеобразности обстановки*, принимаетъ и своеобразную фязіонамію, особый *тѣнь, отмѣчающій этой эпоху*. Въ такомъ смыслѣ и слѣдуетъ понимать стратегію и тактику грековъ, римлянъ, Густава-Адольфа, Фридриха II, Наполеона I.

Такимъ же образомъ—хотя въ основаніи всевозможныхъ боевыхъ порядковъ лежатъ одни и тѣ же начала, которыя, въ свою очередь, въ приложеніи измѣняются до безконечности—подобными *тѣмъ же самыми боевыми порядками, отмѣчающими обстановку известной эпохи*, являются: *фаланга* для греческаго періода, *лемонъ* для римскаго, *бригада* для шведскаго, *линейный порядокъ* для фридриховской эпохи, *гермендикулярный* для наполеоновской и нынѣшней.

Такъ какъ измѣненія въ приложеніи основныхъ началъ военного искусства происходятъ подѣ влияніемъ измѣненной въ обстановкѣ, то, чтобы рѣшить вопросъ: *на сколько стратегія и тактика должны измѣниться съ настоящею эпохою?*—необходимо прежде всего опредѣлить, на сколько современная намъ обстановка измѣнилась, сравнительно съ обстановкою въ непосредственно предшествовавшую ей эпоху (наполеоновскую).

Сравнивая объ эти эпохи, мы прежде всего видимъ, что, въ наше время, техника значительно подвинулась впередъ, что огнестрѣльное *оружіе*, какъ пѣхотное, такъ и артиллерійское, стоитъ теперь неизмѣримо выше огнестрѣльнаго оружія наполеоновскаго періода. Далѣе, сила *пара* и сила *электричества*, неизмѣніія никакого приложенія къ военнымъ цѣлямъ въ наполеоновскую эпоху, получили, напротивъ того, весьма широкое примѣненіе въ настоящую. Итакъ, *железные дороги, телеграфы и усовершенствованное огнестрѣльное оружіе*—вотъ новѣйшіе дѣятели, съ которыми намъ приходится свести счеты, для рѣшенія вышепоставленнаго вопроса (*).

1) ЖЕЛЕЗНЫЯ ДОРОГИ.

Остановимся, прежде всего, на *железныхъ дорогахъ* и посмотримъ, къ чему сводится ихъ вліяніе въ военномъ отношеніи.

Свойства ихъ, какъ извѣстно, заключаются въ значительномъ ускореніи перемѣщенія войскъ и запасовъ на большомъ разстояніи и въ сбереженіи какъ тѣхъ, такъ и другихъ.

Какъ наиболее производительнымъ образомъ воспользоваться этими свойствами для военныхъ цѣлей?

(*) Мы здѣсь не упоминаемъ о *громадныхъ арміяхъ*, являющихся теперь на театрѣ военныхъ дѣйствій, такъ какъ онѣ принадлежатъ и предшествующей эпохѣ (продуктъ введенія общеобязательной повинности).

Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы должны принять за *основное положеніе*: что на войнѣ можно пользоваться только *железными дорогами, прикрытыми расположеніемъ нашихъ войскъ*.

Изъ этого основнаго положенія и должны выводиться всѣ случаи употребленія железныхъ дорогъ для военныхъ цѣлей.

Такимъ образомъ, онѣ приносятъ существенную пользу: а) въ *подготовительныхъ дѣйствіяхъ*, въ дѣлѣ устройства базиса (1), въ сосредоточеніи къ нему войскъ (2) и запасовъ, въ перемѣщеніи запасовъ по базѣ, и б) въ *дополнительныхъ дѣйствіяхъ*, въ устройствѣ тыла, т. е. коммуникаціонныхъ линій (3) и вспомогательныхъ базисовъ (4), но не въ *главныхъ дѣйствіяхъ*, т. е. онѣ не могутъ служить *операционными линиями*, или могутъ развѣ только въ видѣ изъятія, при фланговыхъ маршахъ (5), служа для перемѣщенія обозовъ (6) и заднихъ колонъ, благодаря чему, конечно, значительно ускорится исполненіе обыкновенно столь медленныхъ фланговыхъ маршей (такъ какъ скорость движенія войскъ здѣсь подчиняется скорости движенія обозовъ)—выгода уже немаловажная; но и это значеніе железныхъ дорогъ будетъ не столько *операционнымъ*, сколько, пожалуй, опять—таки *коммуникаціоннымъ*, такъ какъ онѣ и тутъ служатъ для перемѣщенія только наиболее удавленныхъ войскъ и обозовъ, т. е. *тыла* арміи.

(1) База, благодаря железнымъ дорогамъ, рассматривая ее въ чисто-хозяйственномъ, административномъ смыслѣ (а не въ боевомъ, тактическомъ, конечно, гдѣ она является оборонительною линіею), изъ линіи, которою она была при магазинной системѣ, зоны незначительной ширины, какою она является при Наполеонѣ I, обратилась теперь въ зону весьма значительной ширины, чуть-ли не во все пространство въ тылу.

(2) Какое значеніе, въ этомъ последнемъ отношеніи, принадлежитъ железнымъ дорогамъ, видно изъ сравненія скорости сосредоточенія французскихъ войскъ въ 1805 г. и нѣмцевъ въ 1870 г.

(3) Благодаря железнымъ дорогамъ, устройство коммуникаціонныхъ линій должно значительно упроститься сравнительно съ прежнимъ. Число этапныхъ станцій должно также значительно сократиться. Въмѣсто того, чтобы имѣть таковую на каждомъ переходѣ, какъ то было прежде, теперь достаточно по одной на каждыя сто верстъ.

(4) Несмотря на значительное уширеніе базы въ хозяйственномъ смыслѣ, боевыя условія, тактическія (на случай неудачи, въ виду отступленія), требуютъ, на важнѣйшихъ рубежахъ театра военныхъ дѣйствій, и теперь устройства *промежуточныхъ, вспомогательныхъ базисовъ*.

(5) Примеръ подобнаго употребленія железныхъ дорогъ, правда въ весьма ограниченномъ размѣрѣ, представляетъ кампанія 1859 г., именно: маршъ корпуса Канробера отъ Вогеры къ Новарѣ.

(6) Во время марша Наполеона I, въ 1809 г., отъ Регенсбурга къ Вѣнѣ, онъ, подобнымъ образомъ, воспользовался Дунаемъ, что значительно облегчило и ускорило исполненіе марша. Такого же рода употребленіе, конечно, могло бы быть сдѣлано и изъ железной дороги.

Сдѣланный нами выводъ о значеніи желѣзныхъ дорогъ, какъ нельзя ближе, подтверждается событіями послѣдней войны, въ которыхъ, при громадномъ ихъ значеніи, въ смыслѣ коммуникаціонныхъ линій (*), онѣ вовсе не являются операціонными.

2) ТЕЛЕГРАФЫ.

Разборъ о значеніи телеграфовъ въ военномъ отношеніи, значительно ускоряющихъ передачу приказаній и донесеній, приводитъ къ разбору вопроса: *на сколько, подѣляя ихъ, должно замѣняться управленіе арміями на театръ военныхъ дѣйствій и на поле сраженій?*

Базалось бы, съ перваго взгляда, что телеграфъ, доставляя, въ самое короткое время, точныя свѣдѣнія о малѣйшемъ измѣненіи въ обстановкѣ, въ которой находится армія, даетъ возможность управлять ея дѣйствіями издали, *изъ столицы*; но опытъ, сдѣланный въ этомъ отношеніи Наполеономъ III еще въ крымскую кампанію (преждевременный штурмъ Севастополя, 6-го іюня), показалъ, что, какъ ни быстро передаетъ электро-магнитная проволока свѣдѣнія объ арміи, обстановка мѣняется еще быстрѣе, такъ что распорядиться съ успѣхомъ дѣйствіями арміи можетъ только живой свидѣтель этихъ быстрыхъ и безконечно-разнообразныхъ измѣненій въ обстановкѣ, т. е. главнокомандующій, находящійся *при арміи*. Короче: телеграфъ не допускаетъ управленія арміею заочно, т. е. рѣшеніе вопроса объ управленіи арміями *издали* остается въ прежнемъ видѣ, несмотря на существованіе телеграфовъ.

На столько же телеграфъ не измѣняетъ и рѣшенія вопроса объ управленіи арміями *вблизи*. По невозможности довѣрять столь важнаго дѣла орудію столь чуткому, легко приходящему въ негодность отъ малѣйшей порчи, главнымъ въ тому средствомъ остаются, по прежнему, адъютанты и ординарцы, что и подтверждается событіями послѣдней войны.

Итакъ, наше окончательное заключеніе о значеніи телеграфовъ въ военномъ отношеніи будетъ состоять въ слѣдующемъ: *управленія арміями издали (заочно) они не допускаютъ, а способа управленія ими непосредственно, вблизи не измѣняютъ; но, тѣмъ не менее, они являются весьма важнымъ вспомогательнымъ, до*

(*) Вообще, какъ коммуникаціонныя линіи, военно-этажныя дороги, желѣзныя дороги способствуютъ къ болѣе прочному, систематическому устройству тыла, что и было образцово исполнено пруссаками въ послѣднюю войну (у Наполеона I это дѣло только импровизовалось, но далеко не систематизировалось, какъ у пруссаковъ въ послѣднюю войну).

полнительнымъ средствомъ въ дѣль ускоренія полученія свѣдѣній и передачи приказаній.

3) О Р У Ж І Е.

Огнестрѣльное оружіе, какъ въ пѣхотѣ, такъ и въ артилеріи, достигло, въ настоящую минуту, чрезвычайно высокой степени совершенства, что, однако, нисколько не мѣняетъ существовавшихъ до сихъ поръ между холоднымъ и метательнымъ оружіемъ отношеній и зависимости. *Огнестрѣльное оружіе, несмотря на свое высокое совершенство, все-таки останется лишь оружіемъ подготовительнымъ, а холодное—рѣшительнымъ (*).*

Все вліяніе усовершенствованнаго огнестрѣльнаго оружія на бѣй должно выразиться, конечно, въ томъ, что *подготовка рѣшительной атаки, и притомъ самая тщательная подготовка, во всѣхъ смыслахъ, приобретаетъ теперь особенно важное значеніе; короче—что первый подготовленный періодъ боя долженъ будетъ сдѣлаться еще больше упорнымъ и продолжительнымъ (**).*

Справедливость сдѣланнаго мною вывода легко подтверждается и теорією, и практикою, фактами.

Съ точки *теоретической*, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что какъ бы обѣ стороны ни были сильны въ огнѣ, должно же наконецъ въ бою въ чью-либо пользу нарушиться равновѣсіе. Съ этой минуты для одной изъ сторонъ и наступаетъ *периодъ рѣшительныхъ дѣйствій*, въ который все болѣе или менѣе должно остаться по старому: штыки, массы и, наконецъ кавалерія, какъ послѣднее продолженіе штыка, вступаютъ вполнѣ въ свои прежнія права.

Что время штыка и кавалерійскихъ атакъ не миновало безвозвратно, какъ полагаютъ нѣкоторые, тому мы видимъ подтвержденіе въ слѣдующихъ фактахъ: относительно *штыка*—штурмъ Вейсенбурга, Гейсберга, Шлихернскихъ высотъ, бой въ лѣсахъ Сентъ-Арну и des Ognons (16-го августа); относительно *кавалеріи*: Вёртъ, Марсала-Туръ и Седанъ.

Итакъ, *штыки* и *кавалерія* вполнѣ сохраняютъ въ бою свое прежнее значеніе; но употребленіе ихъ, при нынѣшнихъ условіяхъ, затруднится только въ томъ смыслѣ, что *теперь придется долѣе подготавливать, долѣе вырабатывать минуту, удобную для введенія*

(*) Известный суворовскій *афоризмъ*, въ нѣсколько оригинальной формѣ характеризующій эту зависимость между двумя родами оружія, именно: «*пуля дура, а штыкъ молодецъ*», сохраняетъ, такимъ образомъ, да и сохранить навсегда, свое значеніе, въ смыслѣ, конечно, общей формулы.

(**) Удлиненіе перваго періода боя, увеличеніе значенія подготовки—вотъ въ чемъ и выражалось постоянно, какъ-то свидѣтельствуетъ исторія военнаго искусства, постепенное усовершенствованіе въ метательномъ оружіи.

ишь въ бой, хотя бы уже по одному тому, что теперь бой уже начинается съ четырехъ тысячъ, даже съ пяти тысячъ шаговъ, между тѣмъ, какъ прежде онъ начинался съ 1,800 шаговъ. Теперь вообще несравненно рискованнѣе, чѣмъ прежде, вести войска въ атаку, недостаточно подготовивъ ея успѣхъ.

Въ особенностяхъ подготовительнаго періода боя, вызываемыхъ современными требованіями, слѣдуетъ отнести:

1) возможное превосходство (во всѣхъ смыслахъ) надъ противникомъ въ артилеріи, возможность введенія ея въ дѣло при самомъ началѣ боя, въ значительныхъ массахъ, а для этого необходимость имѣть ее подъ рукою, т. е. *распределение ея въ колонны походныхъ колоннъ, непосредственно за ближайшими головными частями пѣхоты;*

2) *расположеніе артилеріи, въ самомъ началѣ боя, большими батареями, по 40—60—90 орудій, между дивизіями пѣхоты (*)* принять за общее правило, а болѣе дробное—за исключеніе, обратно тому, какъ это принималось въ послѣднее время;

3) артилерійскій бой оканчивается приблизительно на дистанціи 1,000—1,500 шаговъ, т. е. на дистанціи, на которой онъ прежде собственно начинался; измѣнилось значеніе картечнаго выстрѣла, перешедшаго, въ прежнемъ смыслѣ, къ пѣхотѣ.

Имѣя въ виду увеличеніе, въ настоящее время, значенія подготовительнаго періода боя, крайне ошибочно было бы видѣть всю подготовку только въ одною *усиленною дѣйствіемъ огня*: подготовку атаки слѣдуетъ, конечно, понимать въ болѣе широкомъ смыслѣ. Сюда должны быть отнесены еще:

1) *ложныя атаки, демонстраціи* (Резонвилъ, Гравелотъ), клонящіеся къ тому, чтобы отвлечь непріятельскіе резервы отъ пункта, избраннаго для атаки,

и 2) въ особенности *обходы* (которыми такъ богата послѣдняя кампанія), клонящіеся къ тому, чтобы, непосредственно передъ боемъ, поставить войска въ болѣе выгодное, сравнительно съ противникомъ, положеніе, въ болѣе угрожающее относительно непріятельскаго пути отступленія, имѣя, само собою разумѣется, въ то же время, свой собственный путь вполне обеспеченнымъ.

Къ числу атакъ, недостаточно подготовленныхъ въ смыслѣ *подготовки артилерійской*, слѣдуетъ отнести *атаку Цастрова при Гравелотѣ.*

(*) *Верть*—батарея при Герсдорфѣ и Гунштедтѣ; *Панжъ*—Монтуа; *Резонвилъ*—Флавиный и Марсъ-ла-Туръ; *Гравелотъ*—Габонвилъ и Сентъ-Ель между лѣсомъ Жениво, Кювъ и Гравелотъ; *Седанъ*—артилерія V и XI корпусовъ.

Въ смыслѣ *недостаточной подготовки путемъ охвата* относятся атаки Вейсенбурга и Гейсберга, Шпихерскихъ высотъ и гвардіи на Сенъ-Прива.

Если вліяніе усовершенствованнаго огнестрѣльнаго оружія должно ближе всего выразиться *въ увеличеніи значенія подготовки во время сраженія*; если, такимъ образомъ, теперь придется потратить гораздо болѣе времени на достиженіе рѣшительныхъ результатовъ въ бою, чѣмъ какъ то было при Фридрихъ и Наполеонъ—то, очевидно, что ихъ придется искать не столько *на поля сраженія, сколько въ поля сраженія, путемъ быстрою и энергическою преслѣдованія*. Здѣсь опять-таки выступаетъ значеніе кавалеріи, являющейся въ этотъ актъ самымъ дѣятельнымъ родомъ войскъ.

Говоря объ этомъ чрезвычайно важномъ актѣ, омончательно придающемъ полное значеніе побѣдѣ, невольно бросается въ глаза; что быстрого, энергическаго преслѣдованія мы почти вовсе не встречаемъ въ дѣйствіяхъ пруссаковъ въ 1870 году; но если ближе всмотрѣться въ дѣло, то нетрудно будетъ замѣтить, что послѣ *Вейсенбурга* тому препятствовала мѣстность дѣсская, послѣ *Верта* мѣстность гористая, послѣ *Саарбрюгена* ночное время, послѣ *Мэца* разбитая армія запирается въ крѣпости, а послѣ *Седана* сдается на капитуляцію. Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ собственно и преслѣдовать было некого. Принимая все это во вниманіе, едва ли будетъ справедливо укорять въ чемъ-либо, и въ этомъ отношеніи, пруссаковъ.

И такъ значительное усовершенствованіе коммуникаціонныхъ средствъ, а вслѣдствіе того большая независимость тактической стороны дѣла отъ административныхъ соображеній (*), относительно театра военныхъ дѣйствій, увеличеніе значенія подготовки, во всѣхъ смыслахъ, относительно поля сраженія: вотъ въ чемъ собственно должно выразиться вліяніе новыхъ дѣятелей на современную стратегію и тактику (**).

(*) Что это, дѣйствительно, такъ, въ томъ нетрудно убѣдиться хотя изъ того, что, при прежнихъ коммуникаціонныхъ средствахъ, армія, продовольствующаяся исключительно изъ магазиновъ, при наступленіи, не могла удаляться отъ нихъ далѣе пяти переходовъ, а при нынѣшнихъ она можетъ уходить отъ нихъ на весьма дальнее разстояніе.

(**) Говоря о вліяніи усовершенствованнаго огнестрѣльнаго оружія на военныя дѣйствія вообще, и полагаю нелишнимъ коснуться еще одного вопроса, нерѣдко по этому поводу возбуждаемаго, именно, что при усовершенствованномъ огнестрѣльномъ оружіи сраженія должны сдѣлаться болѣе кровопролитными. Выводъ этотъ невѣренъ: военная исторія свидѣтельствуетъ какъ разъ обратное. Самыми кровопролитными и истребительными сраженіями были сраженія древняго

4) КРѢПОСТИ.

Въ моемъ общемъ сводѣ я пока вовсе не касался крѣпостей, да и не имѣю въ виду много распространяться о нихъ, собственно потому, что окончательное заключеніе о роли ихъ въ послѣднюю войну можно сдѣлать только послѣ разбора *всей* войны. Но и въ разобраннаго мною періода очевидно уже то вліяніе, которое было обнаружено крѣпостями на военные дѣйствія, та польза, которую онѣ доставили обороняющемуся, несмотря на недостаточное ихъ вооруженіе, снабженіе (въ особенности большихъ крѣпостей, *Страсбургъ* и *Меца*), и несмотря на то, что французы ими дурно пользовались, въ чемъ, конечно, крѣпости невиноваты. «Подобно пушкамъ», говоритъ Наполеонъ I, «крѣпости представляютъ не болѣе какъ орудія, которыми одни сами по себѣ не дѣлаютъ дѣла, но требуютъ, чтобы ими искусно управляли и ихъ истати употребляли»... А, между тѣмъ, какъ часто, можно даже сказать безпрестанно, смѣшиваютъ злоупотребленіе извѣстною вещью съ самимъ дѣломъ! Намъ приходилось нерѣдко слышать, что «не будь *Меца*, *Базенъ* не попалъ бы въ такое критическое положеніе» (?!). На это мы отвѣтимъ, что, «не будь *Меца*, *Базенъ* попалъ бы гораздо ранѣе въ критическое положеніе», по крайней мѣрѣ двумя мѣсяцами ранѣе—а всякій согласится, что выигрышъ двухъ мѣсяцевъ на войнѣ далеко не мало-важное дѣло (*).

Очевидно, что если бы *Мець* былъ снабженъ большимъ количествомъ запасовъ, то и выигрышъ времени былъ бы соответственно большій, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось и бы вліяніе крѣпости. —

периода, до посылки оцѣннаго оружія, напиримѣрь хоть сраженіе при *Треббѣ*, гдѣ римляне изъ 36 тысячъ теряютъ 20 тысячъ—болѣе половины. Новѣйшія же сраженія, въ особенности относящіяся къ періоду новѣйшаго оружія: *Маджента* (союзники теряютъ 7%, австрійцы 8%), *Сольферино* (союзники 10%, австрійцы 8%) и наконецъ *Гравелотъ* (французы 11%, немцы 6%) оказываются, какъ видно, гораздо менѣе кровопролитными. Явленіе это, кажущееся съ перваго взгляда нѣсколько страннымъ, объясняется весьма просто тѣмъ обстоятельствомъ, что, въ древнія времена, бой велся почти исключительно на близкомъ разстояніи, а теперь предпочтительно на дальнихъ дистанціяхъ.

Конечно, и въ новѣйшемъ періодѣ встрѣчаются сраженія, и могутъ впродъ встрѣчаться, подобно *Бородину*, въ которомъ русскіе теряютъ 44%, а французы 37%, или *Ватерлоо*, гдѣ французы теряютъ 36%, а союзники 31%—потери подходящія вполнѣ къ *Треббѣ*; но явленіе это объясняется, помимо всякаго вліянія оружія, равно высокими нравственными качествами обѣихъ сторонъ, стремившимися, въ одинаковой степени, довести сопротивленіе до послѣдняго предѣла возможности.

(*) Весьма многіе приписываютъ же *Мольте* планъ, который я позволилъ себѣ найти не вполнѣ удобоисполнимымъ по причинамъ, объясненнымъ въ моемъ мѣстѣ: покончить дѣло съ арміею *Базена* еще до *Меца*.

Тогда, и притомъ въ большей степени, произошло бы, если бы Бавенъ дѣйствовалъ съ большою энергіею. Но, и при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, Мецъ дакъ два мѣсяца, въ теченіе которыхъ организовались новыя французскія арміи и парализованы были 160-170 тысячъ непріятельскихъ войскъ, что не замедлило отразиться на характерѣ дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій противника, отличавшихся, въ этотъ періодъ, крайнею осторожностью.

Далѣе: если бы не дерзкое предпріятіе, приведшее французскую армію къ Седану, то неужели вліяніе *Парижа*, какъ крѣпости, на ходъ войны было бы то же, какинъ оно было на самоѣ дѣлѣ? Можетъ быть, и весьма вѣроятно (такъ какъ главную силу подобныхъ крѣпостей-лагерей составляетъ *армія*, которой, какъ извѣстно, въ Парижѣ и не было), что если бы армія Манъ-Магона отступила къ Парижу, то даже обложеніе его обратилось бы для нѣмцевъ въ задачу невозможную.

Если бы *Страсбургъ* былъ обращенъ въ крѣпость-лагерь, то для обложенія его потребовался бы не корпусъ, а, подобно Мецу и Парижу, цѣлая армія.

Наконецъ, упорное сопротивленіе, оказанное *Тулемъ* (съ 16 августа по 23 сентября), въ особенности *Бичемъ*, и другими малыми крѣпостями, доказываетъ, что если бы во французской націи жила ея прежній духъ, то какую бы громадную пользу онѣ могли бы принести въ *народной войнѣ*, до которой, однако, дѣло подняться не могло, и въ какое бы, черезъ это, критическое положеніе былъ поставленъ наступающій (1).

Несмотря, такимъ образомъ, на всѣ указанные неблагопріятныя условія, крѣпости, какъ малыя, такъ и большія, оказали французамъ очевидную услугу, заключающуюся въ томъ:

во 1-хъ) онѣ отвлекли значительныя силы непріятели,

и во 2-хъ) что доставили время на организацію новыхъ армій.

Безъ ихъ содѣйствія, можно смѣло сказать, дѣло кончилось бы гораздо скорѣе и, можетъ быть, еще гораздо хуже.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, въ особенности при лучшемъ умѣніи воспользоваться ими, и вліяніе крѣпостей возрасло бы въ значительныхъ размѣрахъ, и именно потому, что крѣпости только орудія, которыя сами по себѣ дѣла не дѣлають, а требуютъ чтобы ими искусно управляли.

(*) Извѣстно, что, въ народныхъ войнахъ, какія бы ни были принимаемы мѣры для обезпеченія операціонныхъ линій (въ смыслѣ путей отступленія), онѣ всегда остаются на воздухѣ. Такимъ образомъ, рѣшеніе одного изъ самыхъ капитальныхъ вопросовъ стратегіи обращается въ положительную невозможность.

Только утописты, или люди, видящіе только одну сторону дѣла, или, наконецъ, недостаточно спелыя, смотрящіе на дѣло подъ вліяніемъ какой-либо страсти, могутъ утверждать, что нынѣшняя война говоритъ не въ пользу крѣпостей. Она, напротивъ того, какъ и всякая война, только доказала, что, при лучшей ихъ подготовкѣ и при лучшемъ умѣніи ими воспользоваться, полезное ихъ содѣйствіе арміямъ можетъ быть еще значительно увеличено.

Короче: нынѣшняя война нисколько не измѣняетъ до сихъ поръ существовавшаго взгляда на значеніе крѣпостей, взгляда, столь жѣтко и вѣрно сформулированнаго Наполеономъ I: «Крѣпости полезны, какъ въ войнѣ наступательной, такъ и въ оборонительной. Конечно, онѣ одніи, сами по себѣ, не въ силахъ остановить армію, но онѣ представляютъ *превосходное средство къ тому, чтобы замедлить наступленіе побѣдителя, ослабить и тревожить его.*»

Въ заключеніе я считаю долгомъ снова припомнить, что, помимо всего приведеннаго, нынѣшняя война ставитъ въ особенности на видъ: *важность особенно тщательной подготовки въ мирное время, необходимости во всемъ строю—логически—последовательной военной системы, ни въ чемъ не уступающей и даже, по возможности, превосходящей систему противника и замѣняющей собою, на значительный процентъ, отсутствіе великаго полководца; системы—основанной на здравыхъ началахъ, строго примѣненныхъ къ своеобразной обстановкѣ, подъ вліяніемъ которой живетъ та или другая армія и, мало того, примѣненныхъ къ дѣлу на столько же честно и правдиво, на сколько честны и правдивы сами эти начала; системы, которая стремилась бы, прежде всего, къ правильному развитію организма арміи, къ направленію всѣхъ его жизненныхъ силъ нормальнымъ путемъ, т. е. къ постановкѣ вездѣ и повсюду поля и строя на первомъ планѣ, затѣмъ науки и, наконецъ, уже всего остальнаго; которая, сочетая такимъ образомъ поле и науку, дѣлаетъ вещи неизбежно другъ друга дополняющія, развивала бы правильный практическій взглядъ на военное дѣло и не давала бы пускаться глубокимъ корнемъ въ арміи тому вредному дилетантизму, который, подрывая кредитъ въ необходимость изученія самаго труднаго и сложнаго изъ искусствъ и утверждая, что на войнѣ все достигается вдохновеніемъ, находчивостью, импровизаціею и личною храбростью,—въ концѣ концовъ, отдаетъ армію и страну на поруганіе и на жертву неисчислимымъ бѣдствіямъ, какъ то было съ Франціею въ послѣднюю войну.*

Г. Лееръ